

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	2
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	6
1.1. Русская сказка как жанр устного народного творчества.....	6
1.2. Своеобразие русских анималистических сказок. Понятие «зооним»	9
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНОГО ФОНА ЗООНИМОВ В РУССКИХ АНИМАЛИСТИЧЕСКИХ СКАЗКАХ.....	14
2.1. Система персонажей - зоонимов в русских сказках о животных	14
2.2. Ассоциативный фон зоонимов в русских народных сказках о животных .	17
Выводы по главе	25
ГЛАВА 3. РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ.....	27
3.1. Понятие коммуникативной стратегии и тактики	27
3.2. Речевые стратегии и тактики героев сказок о животных.....	32
Выводы по главе	39
ГЛАВА 3. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ «СЧИТЫВАЕМОСТИ» АССОЦИАТИВНОГО ФОНА, ТРАНСЛИРУЕМОГО ЗООНИМАМИ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ, СОВРЕМЕННЫМИ НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА.....	41
3.1. Выявление степени «считываемости» ассоциативного фона зоонимов, транслируемого русскими сказками, современными носителями языка по данным направленного ассоциативного эксперимента	41
Выводы по главе	45
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	46_Тoc515387513
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	50
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	Ошибка! Закладка не определена.
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	Ошибка! Закладка не определена.

ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентрическая направленность современных лингвистических исследований вызывает особый интерес к изучению особенностей функционирования зоонимов в русских народных сказках о животных как специфическому разряду вербальных знаков, обладающих этнокультурной маркированностью и транслирующих особенности мировидения русского этноса.

Актуальность исследования объясняется тем, что именно в сказках как продуктах коллективного народного творчества в наиболее яркой, образной форме запечатлены традиционные, прошедшие испытание временем суждения, оценки, взгляды носителей языка, отражены особенности их мировидения и мировосприятия.

Заметное место в составе русских народных сказок занимают сказки о животных, которые формируют в значительной степени *зооморфный код* русской культуры и ментальности. В них метафорически (через образы животных) характеризуются те или иные индивидуальные, личностные качества человека.

Объект исследования – зоонимы, функционирующие в текстовом пространстве русских анималистических сказок под редакцией А.Н. Афанасьева.

Предмет исследования – выявить ассоциативный фон зоонимов в русских анималистических сказках и проследить динамику его восприятия современными носителями языка.

Данная цель предполагает решение следующих частных **задач**:

1. Установить состав зоонимов, функционирующих в текстах русских сказок о животных.

2. Проанализировать особенности наименования животных в текстах русских народных сказок.
3. Установить, каким типовым культурно маркированным ассоциативным фоном обрастают основные зооморфные образы в текстовом пространстве русских народных сказок.
4. Выявить речевые способы выражения конфликтных отношений между персонажами народных сказок о животных. Описать типовые речевые стратегии и тактики, к которым они обращаются в речевой деятельности.
5. Определить с помощью методики направленного ассоциативного эксперимента, в какой степени ассоциативный фон зоонимов, транслируемый русскими сказками, представлен в языковом сознании современных носителей языка.

Материалом для исследования послужили тексты русских анималистических сказок «Народные русские сказки» А.Н.Афанасьева, 1984. Всего проанализировано 15 сказок о животных.

Термин *зооним* трактуется в лингвистических исследованиях неоднозначно: как имя собственное (кличка) животного (*Михаило Потапыч, Котофей Иванович, Буренка, Мухтар*) или как нарицательные имена существительные, обозначающие представителей фауны (*волк, заяц, лиса, собака, кот*). Мы разделяем точку зрения тех лингвистов, которые рассматривают данный «термин как многозначный, включающий оба класса предметов, объединяемых семей «животное» [Бичер, 2015, с.5].

Как правило, каждый зооним в составе русских анималистических сказок «наделяется тремя «уровнями» значений, тесно связанных между собой. Первое значение может быть условно названо «обыденным» – это именование того или иного животного, второе – «мифологическим», оно находит отражение в традиционной народной культуре, в фольклорных текстах. На основании этих двух «уровней» формируется стереотипное значение или стереотипный образ, который и актуализируется при

использовании зоонима для зооморфной характеристики человека» [Альшанская, 2005, с. 24]

Анималистические сказки представляют собой благодатный материал для изучения культуры народа и особенностей его ассоциативного мышления.

Анализ зооморфных образов позволяет выявить, какие этнокультурные коннотации закрепились за образом того или иного животного в языковом сознании русского этноса, как посредством зооморфных образов оцениваются личностные качества человека и передаются установки традиционной народной культуры в оценке данных образов.

В работе использованы следующие **методы**: описательный метод на протяжении всей работы, методика контекстуального анализа, методика контекстных связей в процессе выявления ассоциативного фона зоонимов, функционирующих в текстах русских сказок о животных, метод сплошной выборки и статистический метод обработки материала.

Для выявления культурно маркированного коннотативного фона зоонимов в русских сказках была использована методика контекстных связей: на первом этапе данной методики определяется набор ключевых слов-зоонимов, функционирующих в сказочном тексте, выявлялись особенности наименований персонажей.

На втором этапе рассматриваются более узкие контексты, тематически связанные с конкретным ключевым словом, в опоре на которые выявлялся ассоциативный фон зоонима, репрезентирующий стереотипное представление о том или ином животном как носителе типовых личностных качеств человека в сознании русского этноса.

Животные в русских народных сказках являются не просто персонажами, они воплощают определенные социальные типы, реализуют существующие в национальной культурной традиции стратегии речевого поведения. Анализ речевого поведения персонажей позволяет выявить набор

основных речевых стратегий и тактик, дополняющих их типовую образную составляющую.

Новизна исследования заключается в том, что в нем выявляется с помощью методики контекстных связей ассоциативный фон зоонимов, транслирующий сложившееся в традиционной народной культуре стереотипное представление о том или ином животном как носителе типовых качеств человека, и с помощью методики направленного ассоциативного эксперимента прослеживается степень его считываемости современными носителями языка.

Практическая значимость исследования определяется возможностью внедрения его результатов в практику преподавания лингвистических дисциплин в образовательных учреждениях. В частности, при реализации элективных курсов для учащихся средней школы, в работе над научно-исследовательскими проектами с учащимися.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Русская сказка как жанр устного народного творчества

Один из первых жанров русского фольклора, с которым сталкивается человек – это сказка.

До сих пор ученые не пришли к единому определению понятия сказочного жанра, которое бы бесспорно приняли все исследователи. В толковом нормативном словаре под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой находим такое определение этого понятия: «Сказка – это повествовательное, обычно народно-поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях преимущественно с участием волшебных, фантастических сил» [Ожегов, Шведова, 2005, с. 736].

Из данного определения следует, что сказка – чаще всего является созданием народа, который передает ее в устной и письменной форме из поколения в поколение.

Каждый жанр устного народного творчества отличается особенностями своей поэтики. Крупнейший собиратель и исследователь устного народного творчества А. И. Никифоров устанавливает признаки, присущие поэтике сказки, позволяющие выделить ее как особый жанр русского фольклора:

- 1) сказка имеет повествовательный характер;
- 2) сказка имеет целью развлечь слушателя:

сказка имеет специальное композиционно–стилистическое построение [Никифоров, 1930, с. 236].

К главным признакам сказки, по В.Я. Проппу, относятся «несоответствие окружающей действительности» и «необычайность... событий, о которых повествуется» (в этом отличие сказки от литературного повествования). Сказка, как и песня, зародились очень давно. «На ранних стадиях культуры сказка, сага и миф встречаются нерасчлененными и носили первоначально, вероятно, производственную функцию: охотник жестом и

словом приманивал испуганного зверя. Позднее вводится пантомима со словом и пением. Следы этих элементов сохранила сказка поздних стадий развития в виде драматического исполнения, напевных элементов текста и широких пластов диалога, которого в сказке тем больше, чем она примитивнее» [Пропп, 1986, с. 234].

Главный признак, характеризующий сказку, как фольклорный жанр – это сознательная установка на вымысел. Сказка представляет собой вымышленный мир, в котором происходят чудесные события, и добро всегда побеждает зло. Звери здесь разговаривают на человеческом языке, а люди становятся свидетелями сказочного волшебства. Белинский писал: «В основании второго рода произведений (т.е. сказки) всегда заметна задняя мысль, заметно, что рассказчик сам не верит тому, что рассказывает, и внутренне смеется над собственным рассказом» [Белинский, 1953, с.37].

Сказка как жанр русского фольклора имеет свои разновидности. Первым свою классификацию выдвинул собиратель и фольклорист А.Н.Афанасьев.

Сказки в его последнем сборнике расположены уже систематически в отличие от первых книг, где материал публиковался хаотично. Эта система предполагала девять видов сказочного жанра:

К ним относятся:

- сказки о животных, к которым примыкают сказки о предметах быта («Пузырь, Соломинка и Лапоть»), о растениях («Грибы отправляются воевать»), о природных стихиях («Мороз, Солнце и Ветер»);
- волшебные, мифологические, фантастические;
- былинные («Илья Муромец и Соловей», «Василий Буслаевич», «Алеша Попович»);
- исторические сказания («О Мамае», «Об Александре Македонском»);
- новеллистические или бытовые;
- былички (рассказы о мертвецах, ведьмах, леших);
- докучные;

- прибаутки

Данная классификация имеет свои достоинства и недостатки. Достоинства ее обнаружатся сразу после устранения некоторой беспорядочности, избавиться от которой сумел В.Я. Пропп. По его мнению, исторические сказания, пересказы былин и былички не относятся к области сказок. Сказками не являются докучные и прибаутки. Былички же частично попадают в бытовые сказки, которые легко выделяются среди них.

Ученый предлагает достаточно стройную классификацию сказок, которая включает в себя четыре большие группы:

- 1) сказки о животных;
- 2) сказки о людях;
- 3) сказки волшебные;
- 4) новеллистические, включая анекдоты [Пропп, 1984, с. 50].

Другие исследователи сказок, например Н.М. Ведерникова, совершенствуют этот принцип систематизации сказок, выделяя три наиболее крупных их разновидности: волшебные сказки, сказки о животных и бытовые сказки [Ведерникова, 1975, с. 23].

Типология сказок представлена в нескольких классификациях. Каждый из исследователей, занимавшихся проблемой типологии сказочного жанра, выделяет особый тип сказок – сказки о животных, или анималистические сказки, подробнее их мы их рассмотрим в следующем разделе работы.

1.2. Своеобразие русских анималистических сказок. Понятие «зооним»

Сказки о животных – один из самых популярных и любимых жанров русского фольклора. Изображая животный мир, народная сказка придает ему человеческие черты.

Исследователи фольклора неоднократно сталкивались с трудностью определения сказки как таковой, и тем более сказки о животных. Е.А. Костюхин приходит к выводу, что жанра сказки нет, что понятие «сказка» покрывает группу жанров [Костюхин, 1987, с. 75]. В.Я. Пропп предлагал под сказками о животных понимать «сказки, в которых животное является основным объектом или субъектом повествования» [Пропп, 2000, с. 353].

По мнению В.И. Курашова, народная сказка является отражением ментальности конкретного народа и вбирает в себя все характерные для него особенности [Курашов, 2000, с. 6].

Народные сказки о животных являются древнейшими в своём роде. Появление русских сказок о животных В.Я. Пропп относит к эпохе, когда основным средством существования для людей была охота. Сказки о животных сохранили следы периода примитивного ведения хозяйства, когда человек ещё не умел воспроизводить продукты потребления, но умел лишь брать их у природы [Зуева, Кирдан, 2002, с. 142].

По своему происхождению сказки о животных связывают с тотемизмом, мировоззрением первобытных охотников, считавших некоторых животных священными и веривших в магическую связь своего рода с этими животными [Пропп, 1957, с. 41].

Она строится на определённой модели мира и оперирует языковыми и культурными стереотипами, присущими конкретной нации и недоступными представителям других культур [Прохоров, 1996, с. 51–53].

При этом образы животных и качества, которые традиционно за ними закреплены, сложились в рамках народной сказочной традиции и являются стереотипными.

Вслед за В.В. Красных, мы определяем понятие «стереотип» как "некоторый образ-представление, ментальная "картинка", некое устойчивое, минимизировано-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или о ситуации" [Красных 2002:19].

Образы животных в русских сказках аллегоричны, поскольку они персонифицированы (очеловечены): у ряда из них есть имена и отчества, они разговаривают, подобно людям, живут в домах, носят одежду, занимаются различными хозяйственными делами.

Животные сопровождают человека в его повседневной жизни, поэтому с помощью зооморфных образов в текстовом пространстве русских сказок, равно как и сказок других народов, создается образ человека в целом, дается исчерпывающая характеристика его индивидуальных, личностных качеств, физических данных, внешности, интеллекта (см. работы Г.А. Комлева, Т. И. Рацена, И. С. Карасева, Р. В. Головиной, И. А. Петрова, В.Я Проппа и других исследователей).

Стереотипность зоонимов в текстах русских сказок проявляется в выборе системы их традиционных наименований.

В русских сказках традиционно животные называются:

1) по имени и отчеству: *Котофей Иванович, Михайло Иванович, Михайло Потапыч, Настасья Петровна* и т.п.;

2) по какому-то характерному признаку: *Косолапый, Топтыгин* – имя медведя, *Косой* – имя зайца ("косой" – по стилю передвижения животного или из-за его косящих глаз) ;

3) по семейным, близким отношениям: *лисичка-сестричка, батюшка-медведюшка, кума, куманек, брат Мишка* и т.п.;

4) по роду деятельности, занятий приписываемых животному: *лиса-повитуха*;

5) в русском фольклоре имена персонифицированных животных часто сопровождаются устойчивыми эпитетами: *Мышка-норушка, Лягушка* -

Квакушка, Лисичка-сестричка, Зайчик-побегайчик, Зайчик-Попрыгайчик, Петушок – Золотой Гребешок, Серый Волк-Зубами Щёлк, Коза-Дерева т.п.

Часто выбор имени построен на языковой игре, основанной на омофоническом сближении с названием животного: Петя - Петушок, Мишка-Медведь [Зуева, Кирдан, 2002; Мариничева, 2012; Тукаева, 2015].

О стереотипности перечисленных имен свидетельствует их повторяемость в разных сказках сборника А.Н. Афанасьева.

Так, В. П. Аникин в своей работе «Русская народная сказка» пишет, что животные в сказках живут обыденной жизнью патриархальных крестьян, что не только отражает эпоху, породившую эти сказки, но и прочно связывает жизнь сказочного героя с жизнью человека. «В сказке, – пишет Аникин, – действуют не звериные законы, а социальные» [Аникин, 1977, с. 15].

Об этом же говорит и Н.М.Ведерникова, отмечая будничность и простоту русских народных сказок о животных: «В этом небольшом событийном отрезке показана повседневная жизнь деревни. <...>Пространственный мир ограничен обстановкой русской деревни. Число действующих лиц уместается в небольшом перечне хорошо знакомых животных и птиц» [Ведерникова, 1975, с.73].

Э.В.Померанцева отмечает социальные законы, действующие в сказках о животных: «В сказках о животных животные наделены не только человеческой речью, но и людской социальной жизнью, человеческими отношениями, потребностями, чувствами» [Померанцева, 1963, с.76].

Древние люди, создавая и передавая народную сказку, описывали в ней то, что ежедневно видели вокруг себя. Тот мир, в котором они жили, который они хорошо знали, именно он становился предметом рассказывания.

Героями сказок являются не заморские звери, а дикие и домашние животные, которые встречались русскому человеку в повседневной жизни, за повадками которых он мог часто наблюдать.

Человек, наблюдая за поведением животных, часто приписывал героям русских сказок человеческие качества, проводя аналогию с людьми, их поступками, личностными качествами.

Так, Н.М. Ведерникова в книге «Русские народные сказки» отмечает: «Охотники давно заметили, что лисица делает сама себе нору только в таком случае, когда нет поблизости от того места, где она хочет поселиться чужой норы, которой она в состоянии завладеть; в сказках лиса также всегда стремится захватить чужое жилище – волка, зайца. Многие сказочные мотивы, несомненно, навеяны «охотничьими рассказами» [Ведерникова, 1975, с.71].

По мнению В.П. Аникина, большую роль здесь сыграла традиция. Звери, такие, как лиса, волк, медведь до появления в сказках являлись героями религиозных мифов и занимали в них почетное место [Аникин, 1977, с. 46].

В.Я. Пропп в сборнике трудов «Русская сказка» пишет: «Мифы первобытных народов являются одним из источников народного эпоса» Животное, по мнению В.Я. Проппа, в первобытном сознании одарено сверхъестественными силами [Пропп, 1984, с. 360].

Главную причину того, почему звери, которые были когда-то обожествлены и наделены магическими качествами, стали объектом насмешек и унижения в русских сказках, В.П. Аникин видит в том, что тотемизм, порожденный матриархальным обществом, был переосмыслен в отрицательном направлении и осмеян [Аникин, 1977].

По мнению Н.М.Ведерниковой, большинство домашних животных русский народ наделил определенными человеческими качествами, наблюдая за их повадками: пес – преданный, кот – ленивый, петух – крикливый. Хищные же звери противопоставлены домашним. Они представляют опасность для самого человека. «Сильный и жестокий враг крестьянина должен быть осмеян. Так страшное перестает быть страшным» [Ведерникова, 1975, с.75].

В.Я. Пропп, сравнивая русскую народную сказку о животных со сказаниями других народов, отметил, что ведущими героями русской сказки являются лесные животные, а домашние «в большинстве своем играют подсобную роль» [Пропп, 1984, с.270].

Во всех сказках о животных вне зависимости от того, каким народом они были созданы, их персонажи обладают определенными человеческими качествами.

Одним из ключевых из них является лживость. Как отмечает В.Я. Пропп, обман является основным стержнем композиции сказки. «Обман предполагает превосходство хитрого над глупым» [Пропп, 1984, с. 270].

В сказках о животных обман, по мнению В.Я. Проппа, «вызывает восхищение, как форма выражения превосходства слабого над сильным<...> В центре животного эпоса стоит хитрое животное, всех превосходящее и всех побеждающее» [Пропп, 1984, с.270].

У разных народов носителем этих качеств являются различные животные, например, у североамериканских индейцев это норка, у чукчей – ворон, у русских – лиса.

В.Я. Пропп видит причину этого в следующем: «Подобные рассказы исполнялись перед охотой. При рассказывании хитрость должна была магически перейти на участников рассказывания» [Пропп, 1984, с. 371].

И.И. Тукаева подчеркивает: «Человек наблюдал за поведением животных, стараясь понять их природу. Их естественная разумность – спасение своей жизни и добыча пропитания – показалась человеку способностью животных мыслить и рассуждать.

В сказках есть место не только для забавы, но и для выражения серьезного смысла. Сказки о животных столетиями были своего рода социальной и бытовой энциклопедией русского народа, где показывается людской быт» [Тукаева, 2015, с. 26].

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНОГО ФОНА ЗООНИМОВ В РУССКИХ АНИМАЛИСТИЧЕСКИХ СКАЗКАХ

2.1. Система персонажей - зоонимов в русских сказках о животных

В.Я. Пропп в основу классификации сказок о животных положил формальный признак, придерживаясь структурно-семантического признака, он выделил следующие жанровые разновидности сказок:

1. Кумулятивная сказка о животных.
2. Волшебная сказка о животных.
3. Басня (аполог).
4. Сатирическая сказка.

Наряду с предложенной систематизацией сказок по жанрам он предлагал классифицировать сказки о животных по действующим лицам и делил их на сказки о диких животных, о домашних животных, о птицах, рыбах, пресмыкающихся, к которым естественным образом примыкают сказки о растениях, о неживой природе и предметах [Пропп, 1976, с.48].

Исследователь отмечал, что «в вопросе классификации сказок наблюдается некая путаница, потому что разные учёные при классификации сказок опираются на различные признаки» [Тукаева, 2015, с. 23].

Наиболее удачными, по мнению современных исследователей (А. Аарне, С. Томпсон, И.И. Тукаева и другие), являются классификации сказок о животных, основанные на выделении главных героев:

1. Дикие животные:
 - Лиса;
 - Другие дикие животные;
2. Дикие и домашние животные;
3. Человек и дикие животные;
4. Домашние животные;
5. Птицы и рыбы;

6. Другие животные, предметы, растения и явления природы [Тукаева, 2015].

«При детальном рассмотрении вскрываются неточности и в классификации самих сказок о животных, которые разделяются по животным – о лисе, о прочих диких животных, о диких и домашних животных, о человеке и диких животных и т.д.» [Тукаева, 2015, 21].

Современные учёные также занимаются классификацией сказок о животных. Например, Ю.Ю. Мариничева в основу классификации сказок о животных кладет принцип частотности их упоминания в текстах сказки, и делит их на две группы: «главные» – заяц, лиса, медведь, волк и петух; «второстепенные» – все остальные персонажи. Таким образом, самой частотной стратегией поведения оказывается лисья [Тукаева, 2015, с 22].

Все зоонимы, функционирующие в текстах русских сказок о животных, опираясь на приведенные классификации, можно разбить на три большие группы.

1. Дикие животные. Они употребляются в сказках наиболее часто, несмотря на то, что их немного – всего четыре. Самым популярным образом из них является лиса, на втором месте – волк. Далее идут медведь и заяц.

2. Домашние животные. Это самая большая и разнообразная в количественном отношении группа действующих лиц, хотя сказок об этих животных меньше, чем сказок о диких животных и встречаются они реже. Всего таких персонажей одиннадцать. Наиболее частотным зоонимом среди них является коза (козел), далее по частотности идут кот (кошка), собака, баран, свинья, овца, лошадь, бык.

3. Птицы. Домашние птицы: петух, курица, гусь; дикие птицы: воробей, дрозд, журавль, ворона, дятел, тетерев.

В русских анималистических сказках система действующих лиц очень ограничена. Количество персонажей в них сведено к минимуму. Главными героями чаще всего выступают дикие животные, реже – домашние.

Самым популярным образом русской народной сказки о животных является *Лиса*. На втором месте по популярности – *Волк*, на третьем – *Медведь*, на четвертом – *Заяц*.

Из домашних животных наиболее часто в сказках фигурируют петух, козел (коза), кошка (кот), собака, баран, свинья.

Однако центральными персонажами русских сказок о животных, о чем свидетельствует анализ языкового материала, являются *Лиса*, *Волк*, *Медведь*, *Заяц* и *Петух*.

2.2. Ассоциативный фон зоонимов в русских народных сказках о животных

В сказках, посвященных этим животным, описываются не проделки данных персонажей, а характеризуются наиболее значимые для русской традиционной культуры модели человеческого поведения [Мариничева, 2012].

Герои анималистических сказок, как правило, наделены одной доминирующей чертой человеческого характера. Но это не значит, что они лишены других человеческих качеств.

Большинство образов животных в текстах народных сказок оценивается неоднозначно. Образы животных используются в качестве собирательной характеристики определенных социальных типов людей. Задача сказки сконцентрировать внимание слушателей на типовой характеристике персонажа, создать типовой образ.

Такой доминантной чертой в характере *Лисы* является хитрость, способность умело манипулировать окружающими для получения собственной выгоды, втираться в доверие:

Шла лиса по дорожке и нашла лапоток, пришла к мужику и проситя:

– Хозяин, пусти меня ночевать. Он говорит:

– Некуда, лисонька! Тесно!

– Да много ли нужно мне места! Я сама на лавку, а хвост под лавку.

Пустили её ночевать. Положили, а лисонька ночью встала и забросила свой лапоть. Поутру встают, она и спрашивает свой лапоть (опираясь на порядочность людей, уговаривает)

– Ну, отдайте мне за него курочку» (а потом и гусочку).

(За лапоток – курочку, за курочку – гусочку) [Афанасьев, 1963];

– Я тебе, Петенька, добра хочу – на истинный путь наставить и разуму научить. Вот ты, Петя, имеешь у себя пятьдесят жён, а на исповеди ни

разу не бывал. Слезай ко мне покайся, а я все грехи с тебя сниму и на смех не (Лиса-исповедница) [А.Н. Афанасьев, 1984,с.22].

изобретательность в умении обманывать: *Эка, ведь я же наловила; ты, куманёк, ступай на реку, опусти хвост в прорубь – рыба сама на хвост нацепляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь»; Эх, куманёк,– говорит лисичка-сестричка,– у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я насилу плетусь) (Лисичка-сестричка и волк) [Афанасьев, 1984, с.11]; изворотливость, умение планировать и контролировать события: *Ну, хорошо!– говорит лисица.– Давай ляжем на солнышке, у кого вытопится мёд, тот и виноват. Пошли, легли. Лисице не спится, а серый волк храпит во всю пасть. Глядь-поглядь, у кумы-то и показался медок; она ну-тко скорее перемазывать его на волка.**

– Кум, кум,– толкает волка,– это что? Вот кто съел!»

(Лиса-повитуха) [А.Н. Афанасьев,1984, с.16].

Жестокость *Лисы* проявляется тогда, когда в той же сказке она предлагает волку опустить хвост в прорубь, прекрасно зная, что за этим последует. К этому списку примыкает и мстительность, когда в сказке «Лиса – исповедница» героиня обращается к петуху со словами: *«Ты у меня за все ответишь! Припомнишь, блудник и пакостник, про свои худые дела!»*

Важную роль в формировании ассоциативного фона *Лисы* как хитрой, изобретательной и умной обманщицы играет оценочная лексика: *премудрая, хитрая, оборотливая, шустрая.*

Наряду с этим *Лиса* умна, сообразительна.

Неоднозначное отношение к *Лисе* проявляется в том, что этот образ в русских сказках имеет амбивалетную оценку, о чем свидетельствуют различные ее наименования в текстах сказок:

- положительные и ласковые – *лисичка-сестричка, умная, лисонька, лиса-кумушка, оборотливая, премудрая, умная, шустрая* (чаще эти наименования встречаются в речи персонажей животных);

- неодобрительные – *лиса-ласковые словеса; Лиса Патрикеевна; Лиса Сахарные Уста* (так ее называет автор-сказитель).

«Лиса – это яркий женский образ в животном мире, спутница и воплощение Макоши – богини судьбы и урожая. Славяне почитали лису за хитрость, изворотливость и смекалку, называли ласково кумой и сестрицей. За рыжий цвет лисицу сравнивали с огнем, а еще с грозовой тучей из-за бурого оттенка шубы. В Сибири предрассветный сумрак, когда солнечные лучи окрашивали небо в темно-оранжевый цвет, назывался лисьей темнотой. Но с лисой также связывали и зимнюю стужу, болезни и немочи, вызываемые холодом. Этим родством лиса обязана Маре, богине зимы, возможно ипостаси Макоши» [Славянская мифология <https://www.liveinternet.ru/users/3469412/post173236153>].

Не менее интересен в оппозиции к *Лисе* образ *Волка* в русских народных сказках. Типовые черты этого сказочного персонажа наиболее рельефно проявляются во взаимоотношениях с *Лисой*. Он наивен, доверчив и простодушен и отчасти глуп, часто страдает от излишней доверчивости: *Волк пошёл на реку, опустил хвост в прорубь; дело-то было зимою. Уж он сидел, сидел, целую ночь просидел, хвост его и приморозило; попробовал было приподняться: не тут-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!»* – думает он. *Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого: «Волк, волк! Бейте его! Бейте его!»* (*Лисичка-сестричка и волк*) [Афанасьев 1984, с.11]; *Эх, куманек, – говорит лисичка-сестричка, – у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я насилу плетусь. – И то правда, – говорит волк, – где тебе, кумушка, уж идти; садись на меня, я тебя довезу. Лисичка села ему на спину, он её и понёс»* (*Лисичка-сестричка и волк*) [Афанасьев 1984, с.11].

В то же время *Волк* жесток и кровожаден, хитер: *Дознался волк, что у старика много скотины; пошёл просить себе. ...Волку этого мало; съел и опять пришёл к старику: «Подавай старуху!»* (*Волк*) [Афанасьев 1984, с.63];

Волк всё это и подслушал. Выждал время, и только коза в бор, он подошел к избушке и закричал своим тоненьким голосом: « Козлятушки, детушки, отопритесь, отомкнитеся, ваша мать пришла, молока принесла...» (Волк и коза) [Афанасьев 1984, с 64].

Доминирующими чертами этого персонажа являются желание легкой наживы и глупость. В сказках он чаще всего находится в контакте с *Лисой*, они называют друг друга кумовьями и во многих сказках носят общее отчество, что говорит об их родстве. Их желания и потребности одинаковы: вместе они хотят легким путем получить желаемое, будь то рыба, мед или мясо. Однако способы удовлетворения своих потребностей *Волк* и *Лиса* выбирают разные. Как правило, *Лиса*, благодаря своей хитрости, добывается желаемого с помощью *Волка*, легко им манипулируя, а глупый *Волк* всегда остается ни с чем.

Важную роль в формировании ассоциативного фона образа *Волка* как глупого, недалекого, доверчивого, наивного и жестокого сказочного персонажа играет оценочная лексика: *дурень, серый дурак, глупый, большой дурачина, неповоротливый, обманутый, битый, бестолковый*.

Волк в русских сказках в отличие от *Лисы* оценивается однозначно, как правило, в характеристике его образа доминируют отрицательные оценочные коннотации, о чем свидетельствуют различные его наименования в текстах сказок: *Волчище – Серый Хвостиче, Серый Волк – Зубами Щёлк, Волк Дурачина*.

Отрицательные оценочные коннотации, связанные с образом этого животного обусловлены тем, что в славянской мифологии *Волк* связан с нечистой силой. «Определяющей в символике *Волка* является признак «чужой». Он может соотноситься с чужими, приходящими извне людьми: с мертвым предком, с ходячим покойником» [Славянские древности, 1995, т.1, с.411–412].

Следует отметить, что главным персонажем, дающим объективную оценку животному персонажу в русских сказках, является автор-

повествователь (сказитель): *но лиса хитра, пришла она к волку под окошечко, да и говорит: «Волчонок, голубок! Пусти меня, горемычную, хоть во двор!*

Лиса приступает со своими хитростями: «Я тебе, Петенька, добра хочу! (Лиса-исповедница) [Афанасьев, 1984, с.28];

*Волк обрадовался, думает: «Вот когда попадёт в зубы добыча-то!» Пошёл **серый дурак** под мост, а свинья тотчас схватила заставку зубами, подняла и пустила воду. Вода как хлынет, и потащила за собой волка, и почала его вертеть» (**Волк-дурень**) [Афанасьев, 1984, с.69].*

Животные в сказках тоже дают оценку друг другу, однако это происходит значительно реже: *Ах, лиса, - говорит петух, - ласковые твои словеса, премудрая княгиня! Вот у нашего архиерея скоро пир будет; в то время стану я просить, чтоб тебя сделали просвирнею, и будут нам с тобой просвиры мягкие, кануны сладкие, и пойдет про нас слава добрая (Лиса-исповедница) [Афанасьев, 1984, с.28].*

Образ *Медведя* также принадлежит к числу основных персонажей русских сказок о животных. В русских сказках данный образ оценивается неоднозначно. Это во многом обусловлено тем, что *Медведь* относится к числу мифологических образов, он являлся тотемным зверем многих восточных славян, занимающихся охотными промыслами [Захарченко, Красных, Гудкова 2004].

«*Медведь* считался защитником от всякого зла и покровителем плодородия – именно с весенним пробуждением медведя древние славяне связывали наступление весны.

Многие крестьяне хранили в домах медвежью лапу как талисман-оберег, который должен был защищать своего владельца от болезней, колдовства и всевозможных бед. Славяне полагали, что *Медведь* наделен большой мудростью, почти всеведением: именем зверя клялись, а нарушивший клятву охотник был обречен на гибель в лесу.

Истинное название этого зверя-божества было столь священным, что не произносилось вслух и поэтому не дошло до нас. *Медведь* – это прозвище

зверя, означающее “медоед”; в слове “берлога” сохранился и более древний корень – “бер”, т.е. “бурый” (берлога – логово бера)» [Баркова, <http://www.rulit.me/books/verovaniya-drevnih-slavyan-read-478552-8.html>].

Постепенно значимость охоты для жизни наших предков отходила на «второй план, вытеснение родовых охотничье-промысловых культов аграрными приводит к антропоморфизации и усложнению образа *Медведя*. Архетипический образ *Медведя*, анализируемый по материалам русских сказок, предстает несколько противоречивым, поскольку в нем переплетены отголоски былого могущества, величия и силы с сатирическим подходом к персонажу сказок о животных. Он становится более похожим на человека, чем на божественного предка» [Кокшарова, 2011, с. 18].

О неоднозначной оценке образа *Медведя* в русских сказках свидетельствуют различные его наименования от иронического *Топтыгин*, *Косолапый* и фамильярного *Мишка* до уважительного *Медведь-батюшка*, *Михайло Потапыч*, *Михайло Иваныч*.

Главные черты характера этого персонажа – неуклюжесть, невежество. *Медведь* тугодум, в нем глупость сочетается с неловкостью, неповоротливостью.

В сказках *Медведь* большой, сильный, неповоротливый и медлительный персонаж.

Он может быть жадным и глуповатым, его часто обманывают. Так, в сказках «Мужик и медведь», «Вершки и корешки» смекалистый мужик ловко обманывает сильного и жадного зверя.

В сказке «Мужик, медведь и лиса» видна глупость этого персонажа, *Медведь* бежит к мужику и кричит: «Эй, старик! Что это за крик?» Мужик говорит: «Волков ловят да медведей» – «Ох, мужичок положи меня в сани, закидай дровами, да увяжи веревкой; авось подумают, что колода лежит» <...> Вот лиса из кустьев спрашивает: «Мужик, нет ли у тебя тут волков-бiryюков, медведей?» – «Нету» – сказал мужик. «А на телеге что лежит?» – «Колода» – «Коли была колода, в нее бы топор был воткнут!» *Медведь* и

говорит мужику потихоньку: «воткни в меня топор!» [Афанасьев, 1963, с.36].

Однако, несмотря на свой грозный вид и внушительный размер, а также присущие этому сказочному персонажу перечисленные отрицательные качества, *Медведь* в русских сказках не изображается как агрессивное животное, поскольку отношение к нему со стороны рассказчика скорее насмешливое, ироническое.

Не случайно он единственный из всех животных персонажей в русских сказках носит полное человеческое имя *Михайло Потапыч, Михайло Иванович*.

Заяц в русских анималистических сказках представлен как трусливое, слабое и беззащитное существо.

Пожалев *Лису*, он сам оказывается без крыши над головой (сказка «Заяц, петух и лиса»). Он часто становится жертвой насилия со стороны более сильных зверей и никогда сам не постоит за себя – ему всегда помогают другие животные: *Бык, Медведь, Петух*.

«Сказка о козе лупленой» тоже показывает слабость и беззащитность *Зайца*. «Вот зайчик захотел поест и прибежал к дверям избы, хватя лапкой – дверь заперта!» [Афанасьев, 1984, с.75].

В этой, как и в предыдущей сказке, заяц снова остается на улице, и вновь другие персонажи – *Волк* и *Петух* стремятся прийти ему на помощь. Выгнать *Козу* удастся *Пчелке*.

Важную роль в формировании ассоциативного фона *Зайца* оценочная лексика: *Заяц* – пуглив, боязлив, а также различные его наименования в текстах сказок: *Зайчик - Побегайчик, Косой, Зайчик – Попрыгайчик*.

Название *Косой* связано с суеверным представлением в славянской мифологии о том, у *Зайца* косые глаза, способные оказывать особое негативное влияние на человека [Славянские древности, 1999, т.2, с.288].

В славянской мифологии *Заяц* олицетворяет трусливость. «Боязливость зайца объясняется тем, что у него маленькое сердце. Бог вылепил ему

слишком длинные уши, а на сердце глины не хватило» [Славянские древности, 1999, т.2, с.288].

Народ в русских сказках, как правило, сочувствует этому животному персонажу, о чем свидетельствуют его частотные уменьшительно-ласкательные названия: *заинька, зайчик, побегайчик, серенький*.

По мнению ученых, сказки о диких животных являются наиболее древними, сказки о домашних животных появились позже, по мере их приручения людьми. Сказки о животных разнообразно отражали крестьянский быт, различные черты характера людей и их взаимоотношения нашли в них свое воплощение. «Сказки образно обобщили трудовой и жизненный опыт людей. Выполняя важную дидактико-познавательную задачу, они передавали знания от взрослых к детям» [Зуева, Кирдан, 2002, с. 144].

Домашние животные так же, как и лесные, имеют свои характеристики в русских анималистических сказках. Наиболее частотным в них является образ *Петуха*.

Образ *Петуха* в русских народных сказках неоднозначен. С одной стороны он показан чрезмерно доверчивым, непослушным, легкомысленным и излишне любопытным (сказки «Кот, петух и лиса», Петушок – золотой грешок»), с другой – у него бойцовский характер, он показан смелым и храбрым защитником слабых и несправедливо обиженных (сказки «Лиса, заяц и петух»).

В сказке «Кот, петух и лиса» снова *Петух* представлен как существо, обладающее поэтической речью: «*Понесла меня лиса, понесла петуха за темные леса, за дремучие боры, по крутым бережкам, по высоким горам.*» [Афанасьев, 1984, с.49].

Так, в сказке «Лиса, заяц и петух» он выгоняет *Лису* из незаконно занятой заячьей избушки: «*Кукареку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!*» [Афанасьев, 1984, с.27].

В сказке «Медведь и петух» главный герой не испугался и сумел напугать медведя «Куда-куда-куда! Да подайте мне его сюда; я ногами топчу, топором срублю! И ножушко здесь и гужишко здесь, и зарежем здесь и повесим здесь» [Афанасьев, 1984, с.79].

Роль *Петуха* как защитника слабых в русских сказках связана с тем, что в славянской мифологии петух символизировал огонь, выступал в качестве оберега. Пение *Петуха* предвещало завершение срока действия нечистой силы, наши предки верили, что петух оберегает жилище от пожаров [Славянские древности, 2004, т.4, с.244].

Выводы по главе

Русские сказки о животных имеют антропоцентрическую направленность. Их персонажи являются носителями определенных человеческих качеств: *Лиса* – хитрости, изобретательной и умной обманщицы, *Волк* – жестокости, глупости, *Медведь* – невежественности, тугодумства, неповоротливости, *Заяц* – трусости.

Образы животных в русских сказках являются собирательными и используются в качестве типовой характеристики человека как носителя определенных личностных качеств. В них отражается стереотипное представление русского этноса об определенных социальных типах людей.

Большинство образов животных в текстах народных сказок оценивается неоднозначно.

Так, неоднозначно оцениваются в русских сказках о животных такие их сквозные персонажи, как *Волк* и *Лиса*.

Неоднозначное отношение к *Лисе* проявляется в том, что этот образ в русских сказках имеет амбивалетную оценку, о чем свидетельствуют различные наименования *Лисы* в текстах сказок: положительные и ласковые – *Лисичка-сестричка*, *умная*, *Лисонька*, *Лиса-кумушка*, *оборотливая*, *премудрая*, *умная*, *шустрая* (чаще эти наименования встречаются в речи персонажей животных); неодобрительные – *Лиса-*

ласковые словеса; Лиса Патрикеевна; Лиса Сахарные Уста (так ее называет автор-сказитель).

Русский народ, наблюдая за повадками этого животного, положительно оценивал ум и смекалку *Лисы*.

Амбивалентная оценка образа *Медведя* обусловлена тем, что *Медведь* относится к числу мифологических образов, он являлся тотемным зверем многих восточных славян, занимающихся охотными промыслами [Захарченко, Красных, Гудкова 2004].

К числу основных языковых средств, формирующих культурно значимый ассоциативный фон животных персонажей в сказках, относятся оценочная лексика (*хитрая лиса, лисичка умная, оборотливая, шустрая, глупый волк, заяц пуглив, боязлив, волк-дурень*), оценочный характер наименований персонажей (*Косолапый, Топтыгин, Косой, Михайло Потапыч*), использование суффиксов субъективной оценки (*Лисичка-сестричка, кумушка, куманек, Волчище, Петя-Петушок, Зайчик-побегайчик*).

ГЛАВА 3. РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ

3.1. Понятие коммуникативной стратегии и тактики

Главной особенностью функционирования зоонимов в русских сказках является использование сказочными персонажами различных речевых тактик и стратегий, которые служат средством их характеристики.

В современной науке существует множество трактовок терминов коммуникативная тактика и коммуникативная стратегия.

О.С. Иссерс в своей книге «Речевое воздействие» пишет о том, что понятие стратегии относится не только к лингвистической науке, но и другим областям знаний. «В военном деле стратегия определяется как искусство ведения крупных операций и войны в целом, как наука о ведении войны» – говорит О.С. Иссерс [Иссерс, 2009. с.182]

В основе лексического значения слова стратегия лежит идея планирования действий, связанных с социальной конфронтацией, противоборством.

В психологической интерпретации этого понятия также сохраняется идея прогноза поведения коммуникантов. Поведенческие стратегии. Все виды стратегий объединяются тем, что они представляют своего рода гипотезы относительно будущей ситуации и обладают большей или меньшей степенью вероятности. При этом необходимо иметь в виду тот факт, что стратегические процесс, в какой бы из сфер жизни они не употреблялись, во многом противоположны алгоритмическим процессам, или управляемым правилами. Последние гарантируют успешное достижение цели, если правила верны и принимаются корректно. В стратегиях такого типа нет гарантированного успеха, как нет и единого для всех носителей языка представления о том или ином взаимодействии

Рассмотрим различные толкования коммуникативной стратегии, предложенные лингвистами.

Так, В.Б. Кашкин определяет **коммуникативную стратегию** как часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели (Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.dere.com.ua/library/kashkin/06.shtml>. Дата обращения 02.02.2012) Е.В. Ключев пишет, что **коммуникативная стратегия** это «результат, на который направлен коммуникативный акт» [Ключев, 2002, с. 32].

Е.П. Черногрудова считает, что **стратегия** есть «общая рамка, канва поведения» [Черногрудова, 2008, с.42]

Более полное определение **стратегии**, на наш взгляд, предлагает С. Дацюк: «Концептуально положенное в технологии мировоззренческое намерение и его действенное осуществление касательно содержания коммуникационного процесса» [Дацюк http://xyz.org.ua/discussion/communicative_strategy.html.]

Итак, коммуникативная стратегия представляет собой набор вербальных и невербальных средств, оправдывающих конкретную целевую установку и зависящих от мировоззренческой и ценностной ориентации участников коммуникативного процесса.

Главной чертой коммуникативной стратегии является именно планирование речевой коммуникации. Так же понятие коммуникативная стратегия включает в себя саму реализацию этого плана в речевой ситуации.

Коммуникативная стратегия представляет собой особый комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели говорящего.

Реализация выбранной коммуникантом той или иной стратегии способствует какое-либо намерение говорящего. Именно в зависимости от

целевой установки участника коммуникативного процесса выбирается определенная стратегия.

Таковыми стратегиями активно пользуются все участники вербальной и невербальной коммуникации, в том числе и герои русской народной сказки о животных. Их стратегии зависят от конкретной поставленной задачи и языковой ситуации.

Теперь рассмотрим понятие **речевой тактики**. Ее следует отличать от коммуникативной стратегии. Лингвисты разошлись во мнении, что представляет собой речевая тактика.

Рассмотрим несколько трактовок: Е.П. Черногрудова считает, что «коммуникативная тактика, в противовес стратегии, как общей канве коммуникативного поведения, рассматривается как совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия» [Черногрудова, 2008. с 42.] То есть тактика реализуется уже непосредственно в речи.

Н.Н Кириллова считает, что «коммуникативный процесс можно представить в виде стройной иерархической системы, в которой тактический ход (или речевой прием) служит для реализации речевой стратегии, для достижения целей в речевой ситуации, отражая в то же время общие коммуникативные принципы и установки участников общения» [Кириллова [http:// cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-i-taktiki-s-pozitsii-nravstvennyh-kategoriy](http://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-i-taktiki-s-pozitsii-nravstvennyh-kategoriy)]

Тактики обеспечивают оперативное реагирование на ситуацию. Они складываются из конкретных коммуникативных ходов. И, если выбранную стратегию нельзя изменить в уже начатой речевой ситуации, то с тактикой дело обстоит намного проще. Тактику можно легко заменить, не изменяя при этом выбранной стратегии.

Речевая тактика – более узкое понятие по сравнению с коммуникативной стратегией. «В основе различных классификаций стратегий взаимодействия также лежат либо целевые установки

коммуникантов, либо этические категории» – пишет ученый [Кириллова Н.Н. [http:// cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-i-taktiki-s-pozitsii-nravstvennyh-kategoriy](http://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-i-taktiki-s-pozitsii-nravstvennyh-kategoriy)].

Речевые тактики и коммуникативные стратегии необходимо спрогнозировать, диалог с их использованием планируется заранее. Об этом пишут многие исследователи, в том числе О. Иссерс. Она же выделяет виды данных, которыми располагает будущий участник коммуникации. Эти данные актуальны для планирования успешного диалога:

- 1) «что предстоит – какое речевое событие, речевой акт;
- 2) установки коммуникантов (на кооперацию либо конфронтацию);
- 3) информация о ситуации (формальное, неформальное, и т.д.)»

[Иссерс, 2009 . с. 183]

Прогноз предстоящей вербальной коммуникации строится на основе представлений о речевом акте, коммуникативном воздействии и всей ситуации в целом.

Эти представления обуславливают стратегический выбор значимых единиц разных уровней и способов их организации, то есть создание текста, оптимального для решения коммуникативной задачи говорящего. При этом следует учитывать, что планирование речевого поведения есть не просто конструирование языковых высказываний, а часть интерактивного процесса, в котором слушающий не пассивно воспринимает текст – сообщение говорящего, а активно интерпретирует его речевые действия, реализуя собственную стратегическую линию. Диалог есть, по сути, коммуникативный поединок за право осуществить свою стратегию.

В русской народной сказке о животных главным условием выбора конкретной речевой тактики и коммуникативной стратегии является установка коммуникантов.

Коммуниканты в зависимости от целевой установки используют различные виды коммуникативных стратегий, которые бывают кооперативными и некооперативными, то есть стратегиями конфронтации.

Стратегии кооперации являются наиболее эффективными, так как именно они гарантируют достижение согласия с партнерами, установление длительных взаимовыгодных контактов, а не только реализацию сиюминутных целей в конкретной ситуации [Кириллова <http://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-i-taktiki-s-pozitsii-nravstvennyh-kategoriy>].

В русской народной сказке стратегии такого типа эффективности процесса коммуникации.

Стратегии конфронтации являются менее эффективными в диалоге, так как один из участников коммуникации жестко и авторитарно не считается с мнением собеседника, а также пытается радикальными способами убедить его в своей правоте. К таким стратегиям исследователь Н.Н. Кириллова относит дискредитацию, насилие, агрессию, подчинение, принуждение, угрозы и т.д.

Герои русской народной анималистической сказки нередко используют и такие стратегии.

Сказочные животные персонажи реализуют, как отмечают исследователи «сложившиеся в национальной фольклорной традиции стратегии манипулятивного поведения» [Мариничева, 2011, с. 11].

В работах Т. М. Николаевой (1988,1990), Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелёва (1997) описываются способы и приёмы лингводемагогии – с целью оказания психологического воздействия. Изучению речевых манипуляций как способа оказания воздействия на человека свои работы посвятили такие авторы, как А. Н. Баранов (1990), Е. Л. Доценко (1996), Н. В. Глаголев (1986), С.Г. Кара-Мурза (2001) и другие лингвисты.

Изучению манипулятивного поведения животных сказочных персонажей посвящены работы Ю.Ю. Мариничевой (2001), И.И. Тукаевой (2015) и других лингвистов

3.2. Речевые стратегии и тактики героев сказок о животных

Обратимся к анализу наиболее частотных речевых стратегий и тактик сквозных персонажей русской народной сказки: лисы и волка, выявим, как речевое поведение этих персонажей работает на создание их типового образа, способствует созданию культурно маркированного ассоциативного фона.

Ю.Ю. Мариничева отмечает, что особая черта сказок о животных заключается в том, что большая часть текстов состоит из диалогов животных. «Персонажи этих сказок активно проявляют себя в различных речевых действиях: они угрожают, хвалят, льстят, хвастают» [Мариничева, 2011, с.5]..

Герои русской народной сказки о животных часто являются участниками коммуникации. Взаимодействуя друг с другом, они добиваются поставленной цели посредством коммуникативных стратегий и тактик, которые способны грамотно применять и активно использовать.

В подавляющем большинстве герои сказок о животных занимаются тем, что обманывают друг друга [Мариничева, 2011, с.5].

Это связано с тем, сказки о животных отражают то время, когда наши предки еще не научились самостоятельно вести хозяйство. Основным источником их существования была охота, «хитрость, умение обмануть зверя играло важную роль в их борьбе за выживание» [Зуева, Кирдан, 2002, с. 144].

Ю.Ю. Мариничева отмечает, что «сказочный обман представляет собой сложный речевой поступок, который предполагает целый набор разнообразных приемов: смена голоса, изображение кого-то другого, использование особых форм обращений и т.д. Каждый персонаж в сказках о животных способен обманывать» [Мариничева, 2011, с. 12].

Сказочные животные персонажи реализуют, как отмечают исследователи «сложившиеся в национальной фольклорной традиции стратегии манипулятивного поведения» [Мариничева, 2011, с. 11].

Манипуляция предполагает скрытое управление собеседником, управление против его воли.

« Типичные признаки манипуляции:

- 1) стремление овладеть волей партнера, поставить его в зависимое положение, этому способствует опора на слабости, желания, переживания партнера по общению;
- 2) лицемерие, обман, интрига в поведении манипулятора: заискивание, стремление угодить;
- 3) для психологического давления на собеседника активно привлекаются такие приемы, как перехват инициативы, намеренная преувеличенная демонстрация собственной слабости, неопытности, глупости, ограничение времени для принятия решения, комплимент, преувеличение собственной значимости» [Стратегии и тактики влияния и манипулирования <http://mylektsii.ru/5-86427.html> ,с. 16].

Эти стратегии реализуются с помощью различных речевых тактик:

- 1) просьба, обращение;
- 2) лесть, заискивание, стремление угодить (комплимент);
- 3) разумное убеждение;
- 4) принуждение, давление (приказ, угроза);
- 5) внушение;
- 6) эмоциональное воздействие;
- 7) воздействие через личные отношения (« не в службу, а в дружбу»);
- 8) лицемерие, обман, интрига;
- 9) перехват инициативы;
- 10) демонстрация собственной слабости;
- 11) преувеличение собственной значимости »[Стратегии и тактики влияния и манипулирования <http://mylektsii.ru/5-86427.html> , с. 16].

Для начала рассмотрим коммуникативные стратегии и речевые тактики в речи и поведении самого популярного и частотного образа русской анималистической сказки – *Лисы*.

Хитрая героиня умелый манипулятор.

Для достижения своих целей она умело использует различные речевые тактика, в частности, **тактику лести, заискивания** перед партнером по коммуникации, воздействуя на его эмоциональное состояние с помощью комплимента, выбирая соответствующие формулы обращения к персонажам: *волчок-голубок, Петя-Петушок, Петенька*, используя различные термины псевдородства: *кум, куманек (обращаясь к волку, медведю), братец волк: Здравствуй, Петенька! (Лиса-исповедница)* [Афанасьев, 1963]; *Эх, куманек, – говорит лисичка-сестричка, – у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я насилу плетусь. – И то правда, – говорит волк...; А лисичка собрала всю разбросанную по дороге рыбу в кучку, села и ест себе. Навстречу ей идёт волк: – Здравствуй, кумушка! – Здравствуй, куманёк! (Лисичка-сестричка и волк)* [Афанасьев, 1963].

Речь *Лисы* характеризуется большим активным использованием прилагательных с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *Положите мой лапоток к вашим курочкам»; «Ну, отдайте мне за него курочку»; «Шню, пеню, бычок, соломенный бочок!»; «Ну, вытопи баньку, снеси туда толоконца мешочек, маслица горшочек, да старуху, а сам стань за двери и не смотри в баньку»* [Афанасьев, 1984].

Использование данных прилагательных в речи *Лисы* направлено на воздействие на собеседника, обусловлено стремлением овладеть его сознанием с помощью льстивых речей.

Речевое поведение *Лисы* отличается подчеркнутой вежливостью и дружелюбием. Она активно использует стереотип о том, что дружелюбный человек действует, прежде всего, в интересах собеседника [Тукаева, 2015, с.122].

Не добившись желаемого результата, *Лиса* переходит к **тактике угрозы, принуждения**, используя такой арсенал языковых средств, как оскорбления, оценочную лексику (слова, оценивающие умственные способности собеседника), императивные глагольные формы, побудительные предложения: *Оставайтесь, дураки!»; Что ты, дурак, косолапый Мишка,*

трогаешь меня?; Я шла ко крестьянину, хотела малого курёнка съесть; а ты, дурак, бездельник, сидишь на высоких седалах...; Дрозд, накорми меня, если не накормишь – я твоих детей поем;

«Теперь я задам тебе жару! (лиса, обращаясь к петуху) Ты у меня за все ответишь! Попомнишь, блудник и пакостник про свои худые дела! Вспомни, как я в осеннюю темную ночь приходила и хотела попользоваться одним куренком, а я в то время три дня ничего не ела, и ты крыльями захлопал и ногами затопал!.»(Лиса-исповедница) [Афанасьев, 1984]; Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам (Лиса и заяц) [Афанасьев, 1984].

Часто в своей речи *Лиса* прибегает к оскорблениям, добиваясь своего и не церемонясь с собеседником.

Так, в сказке «Лисичка-сестричка и волк» *Лиса*, украв лошадь, едет по лесу и встречает других животных, которые просят ее подвести их. В ответ они сказки слышат нелюбезные оскорбительные обращения в свой адрес: «Садись, сиволapyй черт!» или «Садись, косо́й!».

Тактику угрозы, запугивания вербализует использование глаголов, конкретизирующих угрозу[Тукаева, 2015]:

«Теперь я задам тебе жару! Ты у меня за всё ответишь»;

«Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам!»;

«А тебе, дурак, бездельник, не быть теперь живому!»;

«А, ты всё мешал! Постой же, я тебе дам!»;

«Вот он вам задаст! Погодите!» [Афанасьев, 1984].

Ведущей коммуникативной тактикой в речевом поведении *Лисы* является **тактика перехвата инициативы**: *«Я тебе, Петенька, добра хочу – на истинный путь наставить и разуму научить. Вот ты, Петя, имеешь у себя пятьдесят жен, а на исповеди ни разу не бывал. Слезай ко мне и покайся, а я все грехи с тебя сниму и на смех не подыму» (Лиса-исповедница) [Афанасьев, 1984]; Шла лиса по дорожке и нашла лапоток, пришла к мужику и просится: – Хозяин,пусти меня ночевать. Он говорит: – Некуда, лисонька!*

*Тесно! – Да много ли нужно мне места! Я сама на лавку, а хвост под лавку. Пустили её ночевать. (За лапоток – курочку, за курочку – гусочку). [Афанасьев, 1984]. Лиса активно использует в речевой коммуникации **тактику обмана**: Ты, куманёк, ступай на реку, опусти хвост в прорубь – рыба сама на хвост нацепляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь. Эка, ведь я же наловила; (Лисичка-сестричка и волк); Лежит кума с кумом в избушке да украдкою постукивает хвостиком. «Кума, кума, – говорит волк, – кто-то стучит». – «А, знать, меня на повой зовут!» – бормочет лиса. «Так поди сходи», – говорит волк. Вот кума из избы да прямёхонько к мёду, нализалась и вернулась назад»; «...В третий раз опять так же обманула лисица волка и долизала уж весь медок»; «...«Долго ли, коротко ли – прикинулась лисица хворою, просит кума медку принести. Пошёл кум, а мёду ни крошки. – Кума, кума,– кричит волк,– ведь мёд съеден. « ... Ну, хорошо!– говорит лисица.– Давай ляжем на солнышке, у кого вытопится мёд, тот и виноват. Пошли, легли. Лисице не спится, а серый волк храпит во всю пасть. Глядь-поглядь, у кумы-то и оказался медок; она ну-тко скорее перемазывать его на волка. – Кум, кум,– толкает волка,– это что? Вот кто съел!»(Лиса-повитуха)[Афанасьев, 1984].*

Лиса умело использует в качестве обмана прием изменения голоса «бормочет», якобы не придавая случившемуся никакого значения.

«Междометие «А» в данном предложении обозначает беспечность, однако беспечность выражена к такому ответственному делу, как повой, приём новорожденного. Однако именно в этом и состоит манипуляция – воздействовать на Волка, чтобы он сам предложил Лисе пойти на повой, думая, что он сам принял подобное решение. Реакция Волка: «Так поди сходи» [Тукаева, 2015, с.122].

Тактика обмана в речевом поведении лисы часто осуществляется в комплексе с умелым сочетанием других манипулятивных тактик: **тактики перехвата инициативы, тактики внушения.** Приведенный выше

пример наглядно демонстрирует этот комплекс используемых лисой речевых тактик.

Лиса тщательно обдумывает, планирует воздействие на собеседника с целью получения собственной выгоды и доводит это до автоматизма.

С целью добиться желаемого (наесться, завладеть добычей) *Лиса* прибегает к тактике **намеренной демонстрации собственной слабости**: «*А лисичка-сестричка, покушамши рыбки, захотела попробовать, не удастся ли ещё что-нибудь стянуть; забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу: – Так-то учишь ты? Меня всего исколотили! – Эх, куманёк,– говорит лисичка-сестричка,– у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я насилу плетусь. – И то правда,– говорит волк,– где тебе, кумушка, уж идти; садись на меня, я тебя довезу. Лисичка села ему на спину, он её и понёс. Вот лисичка-сестричка сидит, да потихоньку и говорит: – Битый небитого везёт, битый небитого везёт*». (*Лисичка-сестричка и волк*) [Афанасьев, 1984].

Будучи хорошим психологом, *Лиса* использует **тактику эмоционально воздействия** на *Волка*, вызывая у него чувство жалости в ее физическому состоянию, воздействуя на личностные отношения, умело используя противопоставление: *Эх, куманёк,– говорит лисичка-сестричка,– у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я насилу плетусь* (*Лисичка-сестричка и волк*) [Афанасьев, 1984].

Ее стратегия характеризуется:

«– *прилагательными в сравнительной степени*: «У тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я насилу плетусь»;

– *противопоставлениями по формуле «свой» – «чужой»*: «У тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили» [Тукаева, 2015, с.122].

Лиса умелый манипулятор, она активно в своем речевом поведении использует различные манипулятивные тактики, тщательно обдумывает,

планирует воздействие на собеседника с целью получения собственной выгоды и доводит это до автоматизма.

Речевое поведение *Волка* не отличается разнообразием используемых тактик манипулятивного воздействия на собеседника.

В речевом поведении данного сказочного персонажа и данного сказочного наиболее востребованными являются тактика угрозы, принуждения и обмана.

В отличие от *Лисы Волк* в своем речевом поведении прямолинейен, он чаще импульсивен, чем рассудочен [Тукаева, 2015].

В речевом поведении *Волк* часто прибегает к **тактике угрозы, принуждения**. В своей речи *Волк* продуктивно использует глаголы в форме будущего времени со значением угрозы, глаголы повелительного наклонения: «*Хорошо же, – думает, – уж я тебе отплачу, кумушка!*»; «*Да я и тебя разорву, и твоих поросят за один раз проглочу*»; «*Дознался волк, что у старика много скотины; пошёл просить себе. Пришёл и говорит: – Отдавай старуху!*» (*Волк*); «*Здравствуй, пёстрый кобель! Долгонько поджидал тебя в гости. Бывало, ты прогонял меня от своего дому; а теперь сам ко мне попался: что захочу, то над тобой и сделаю. Уж я тебе за всё отплачу! – А что хочешь ты, серый волчок, надо мною сделать? – Да немного: съем тебя со всей шкурой и с костями*» (*Волк-дурень*) или в значении обещания: «*Иди со мною, я выгоню!*» [Афанасьев, 1984].

Реже *Волк* прибегает к **тактике обмана**, поскольку он глуповат и чаще является жертвой обмана со стороны *Лисы*. Так, в сказке «*Волк и коза*»:

Волк всё это и подслушал. Выждал время, и только коза в бор, он подошел к избушке и закричал своим тоненьким голосом: « Козлятушки, детушки, отойдите, отойдите, ваша мать пришла, молока принесла...» (*Волк и коза*) [Афанасьев 1984].

Образ *Волка* в русских сказках претерпел существенную трансформацию. Он отличается от архетипического представления о *Волке* как тотемном животном в славянской мифологии.

Отрицательные оценочные коннотации, связанные с образом этого животного обусловлены тем, что в славянской мифологии *Волк* связан с нечистой силой. «Определяющей в символике волка является признак «чужой». Он может соотноситься с чужими, приходящими извне людьми: мертвым предком, с ходячим покойником» [Славянские древности, 1995, т.1, с.411–412].

Основной конфликт русских народных сказок о животных – это конфликт между сквозными персонажами *Лисой и Волком*. Этот конфликт, как показывает анализ языкового материала, имеет ярко выраженный манипулятивный характер. Его проявление наблюдается и на уровне речевого поведения персонажей сказки.

«Манипулятивное воздействие определяется как скрытое программирование на определённые действия, которые изначально не входили в планы объекта манипуляции и не входят в круг его интересов, при этом у манипулируемого создаётся впечатление исключительной самостоятельности в принятии решения. Именно такой сценарий событий наблюдается в ситуациях взаимодействия *Волка и Лисы* в русских народных сказках» [Тукаева, 2015, с. 151].

Выводы по главе

Большую часть сказок о животных занимают диалоги. Герои русской народной сказки о животных активно общаются друг с другом. Взаимодействуя между собой, они добиваются поставленной цели посредством коммуникативных стратегий и тактик, которые способны грамотно применять и активно использовать.

В подавляющем большинстве герои сказок о животных занимаются тем, что обманывают друг друга [Мариничева, 2011].

Наиболее востребованной речевой стратегией в коммуникативном поведении сказочных животных персонажей является стратегия

манипулятивного поведения. Манипуляция предполагает скрытое управление собеседником, управление против его воли.

Основной конфликт русских народных сказок о животных – это конфликт между сквозными персонажами *Лисой и Волком*. Этот конфликт, как показывает анализ языкового материала, имеет ярко выраженный манипулятивный характер. Он проявляется в речевом поведении данных персонажей русской сказки и находит свое конкретное воплощение в определенном наборе речевых тактик.

Лиса умелый манипулятор, она активно в своем речевом поведении использует различные манипулятивные тактики (**тактику лести, заискивания угрозы, принуждения, перехвата инициативы, тактику внушения, обмана, намеренной демонстрации собственной слабости**), тщательно обдумывает, планирует воздействие на собеседника с целью получения собственной выгоды и доводит это до автоматизма.

Тактика обмана в речевом поведении *Лисы* часто осуществляется в комплексе с **умелым сочетанием других манипулятивных тактик: тактики перехвата инициативы, тактики внушения.**

Так, для достижения своих целей она умело использует **тактику лести, заискивания** перед партнером по коммуникации, воздействуя на его эмоциональное состояние с помощью комплимента, выбирая соответствующие формулы обращения к персонажам: *Волчок-голубок, Петя-Петушок, Петенька*, используя различные термины псевдородства: *кум, куманек (обращаясь к волку, медведю)*.

Речевое поведение *Волка* не отличается разнообразием используемых тактик манипулятивного воздействия на собеседника.

В речевом поведении данного сказочного персонажа наиболее востребованными являются **тактика угрозы, принуждения и обмана.**

ГЛАВА 3. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ «СЧИТЫВАЕМОСТИ» АССОЦИАТИВНОГО ФОНА, ТРАНСЛИРУЕМОГО ЗООНИМАМИ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ, СОВРЕМЕННЫМИ НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА

Экспериментальные методики, обращенные к показаниям языкового сознания современных носителей, позволяют выявить степень «считываемости» ассоциативного фона зоонимов, функционирующих в текстовом пространстве русских сказок о животных.

Проблема «считываемости» ассоциативного фона данных персонажей современными носителями языка возникает в связи с тем, что сказочные зоонимы представляют собой сложный сплав обыденного (профанного) знания о животном, на основе которого путем типизации, обобщения формируются стереотипные представления в русской культуре о личностных качествах человека.

3.1. Выявление степени «считываемости» ассоциативного фона зоонимов, транслируемого русскими сказками, современными носителями языка по данным направленного ассоциативного эксперимента

Гипотезой данного эксперимента послужило предположение о том, что образные смыслы, транслируемые зоонимами в русских сказках, представлены в языковом сознании носителей современной культуры.

Участниками эксперимента были респонденты: 24 человека, студенты-филологи в возрасте от 21 до 22 лет.

В качестве материала для проведения эксперимента были выбраны наиболее частотные сказочные зоонимы: *лиса, заяц, волк и медведь*.

В реакции испытуемых были введены ограничения по частеречному признаку: Лиса, она какая?; Волк, он какой?; Заяц, он какой?; Медведь, он

какой? Участникам эксперимента было предложено написать по 3 – 5 реакций на данные слова-стимулы.

Цель – выявить, в какой степени типические характеристики персонажей народных сказок о животных находят своё отражение в языковом сознании современных носителей языка.

Обработка экспериментальных данных:

Результаты эксперимента: Лиса – Хитрая (22), Рыжая(15), Ловкая(2) , Роковая(1), Наглая (1), Красивая(1), Корыстная(1), Льстивая(1), Злая(1), Маленькая(1), Красна(1), Независимая(1), Властная(1), Гламурная(1), Лукавая(1), Лесная(1)

В ядро реакций к стимулу «Лиса» попали прилагательные «Хитрая» (22) (признак по черте характера) и «Рыжая»(15) (признак по цвету окраса). Все остальные реакции оказались периферийными. Но даже среди них большое количество реакций являются синонимичными по отношению к слову «Хитрый» и могут характеризовать героиню сказки: «Ловкая», «Наглая», «Корыстная», «Льстивая», «Злая», «Властная», «Лукавая». Реакции типа «Красивая», «Гламурная» и «Роковая» обладают субъективной оценкой, о чем свидетельствует единичность таких ответов.

Волк – Серый(14), Злой(7), Голодный(7), Глупый(3), Грустный(1), Несчастный(1), Невезучий(1), Лысый(1), Скуластый(1), Тощий(1), Рычащий(1), Кровожадный(1), Морской(1), Сильный(1), Ночной(1) Надежный(1), Злобный(1), Большой(1), Матерый(1), Прожорливый(1)

Ядром реакций к стимулу Волк стала реакция «Серый» (по признаку цвета окраса).

В ближнюю периферию попали реакции «Злой» (7) и «Голодный»(7) (по черте характера) Эти реакции не противоречат гипотезе, так как в понятие о жадности входит и злость, и желание есть. Вторая основная черта характера волка – глупость в эксперименте оказалась на ближней периферии (3).

Дальнюю периферию представляют реакции, описывающие внешний признак зоонима («Лысый», «Рычащий», «Скуластый», «Тощий», «Большой»), реакции, раскрывающие переносное значение слова «Волк» («Морской», «Ночной», «Матерый»), реакции, раскрывающие субъективную оценку респондентов («Несчастный», «Невезучий», «Надежный») и реакции, передающие характер зоонима («Прожорливый», «Злобный», «Кровожадный», «Грустный»). Последняя группа периферийных реакций характеризует поведенческие особенности героя русской народной сказки.

Медведь – Косолапый(8), Бурый(8), Большой(7), Сильный(3), Неуклюжий(3), Русский(2), Грозный(2), Белый(2), Толстый(2), Глупый(1), Справедливый(1), Порядочный(1), Толстокожий(1), Огромный(1), Голодный(1), Неповоротливый(1), Плюшевый(1), Добрый(1), Медовый(1)

Ядром реакций к стимулу «Медведь» стали реакции «Косолапый» (8) и «Бурый»(8). Эти определения характеризуют внешний вид зоонима – цвет и строение скелета. Однако реакция «Косолапый» может рассматриваться как отсылка к неуклюжести зоонима, каким он представлен в русской сказке. Реакция «Большой», также попавшая в ядро, тоже не исключает наличия неуклюжести.

На ближней периферии оказались реакции, передающие размер и силу зоонима («Сильный» (3), «Толстый» (2)), вытекающее из этого размера качество («Неуклюжий» (3)), реакции, выражающие принадлежность к национальности («Русский» (2)), биологический подвид животного («Белый» (2) и характер («Грозный» (2)) Единичные реакции представляют **дальнюю периферию**. В нее попали синонимические реакции «Справедливый» и «Порядочный», передающие характер героя, а также реакции «Неповоротливый» и «Толстокожий», указывающие на неуклюжесть зоонима. О невежестве медведя вспомнил лишь один респондент («Глупый»), хотя в сказках глупость является ведущим качеством характера медведя. Таким образом, ведущим качеством зоонима медведя в сознании

носителей языка является «неуклюжесть» и связанная с ней «косолапость», попавшая в ядро реакций. Реакции типа «Добрый», «Огромный» не противоречат тексту народной сказки, где качество доброты и гостеприимства является одним из ключевых у медведя. Реакции «Медовый» и «Плюшевый» отсылают нас к миру детства, соответствующему ментальности русского человека, однако их никак нельзя связать с зоонимом медведем, фигурирующим в пространстве русской народной сказки.

Заяц – Трусливый (18), Белый (6), Маленький(4), Серый(3), Быстрый(3), Пушистый(2), Хвастливый(2), Шустрый(1), Ушастый(1), Милый(1), Прыгающий(1), Жующий(1), Хитрый(1), Юркий(1), Слабый(1)

В ядро реакций к стимулу «Заяц» вошла реакция «Трусливый»(18). В тексте сказки заяц – беззащитное существо, и реакция «трусливый» не противоречит этому.

Ближняя периферия – реакции «Белый» (6) и «Серый» (3) (по окрасу), «Маленький» (4) (по размеру) и «Быстрый» (по скорости передвижения) Эти реакции могут характеризовать, как героя сказки, так и самого животного по своим физическим свойствам.

На дальней периферии оказались реакции, характеризующие внешние признаки («Пушистый» (2), «Ушастый» (1), «Слабый» (1)) последняя реакция также свидетельствует о беззащитности зайца, реакции, характеризующие скорость передвижения («Юркий» (1), «Шустрый» (1)), реакции, характеризующие действия («Прыгающий» (1), «Жующий(1)), а также реакции, характеризующие качества характера зайца («Хвастливый» и «Хитрый») – эта группа реакций полностью противоречит характеру героя русской народной сказки. Хитрым и хвастливым заяц представлен в мультфильмах (например, «Ну, погоди!») и авторских сказках (например, Мамин-Сибиряк «Заяц-хвастун»), поэтому такие реакции адекватны для носителя языка, однако остаются единичными.

Выводы по главе

Выдвинутая в ходе эксперимента гипотеза подтвердилась. В ядерных реакциях респондентов содержатся типовые характеристики сказочных персонажей.

Ассоциативный фон зоонимов, транслируемый русскими сказками, представлен в языковом сознании современных носителей языка.

В ответах респондентов ядерными оказались реакции, указывающие на такие характерные признаки *Лисы*, как хитрая; *Волка* – злой, жестокий, голодный, глупый; *Медведя* – косолапый, неуклюжий, сильный; *Зайца* – трусливый, слабый.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главными героями русских сказок о животных чаще всего выступают дикие животные, реже – домашние.

Самым популярным образом русской народной сказки о животных является *Лиса*. На втором месте по популярности – *Волк*, на третьем – *Медведь*, на четвертом – *Заяц*.

Из домашних животных наиболее часто в сказках фигурируют *Петух*, *Козел (Коза)*, *Кошка (Кот)*, *Собака*, *Баран*, *Свинья*.

Однако центральными персонажами русских сказок о животных, о чем свидетельствует анализ языкового материала, являются *Лиса*, *Волк*, *Медведь*, *Заяц* и *Петух*.

Сказки о животных разнообразно отражают крестьянский быт, различные черты характера людей и их взаимоотношения нашли в них свое образное воплощение.

Русские сказки о животных имеют антропоцентрическую направленность. Их персонажи являются носителями определенных человеческих качеств: *Лиса* – хитрости, изобретательной и умной обманщицы, *Волк* – жестокости, глупости, *Медведь* – невежественности, туподумства, неповоротливости, *Заяц* – трусости.

Образы животных в русских сказках являются собирательными и используются в качестве характеристики типовой человека как носителя определенных личностных качеств. В них отражается стереотипное представление русского этноса об определенных социальных типах людей.

Большинство образов животных в текстах народных сказок оценивается неоднозначно.

Так, неоднозначно оцениваются в русских сказках о животных такие их сквозные персонажи, как *Волк* и *Лиса*.

Неоднозначное отношение к *Лисе* проявляется в том, что этот образ в русских сказках имеет амбивалетную оценку, о чем свидетельствуют различные наименования *Лисы* в текстах сказок: положительные и ласковые – *Лисичка-сестричка, умная, Лисонька, Лиса-кумушка, оборотливая, премудрая, умная, шустрая* (чаще эти наименования встречаются в речи персонажей животных); неодобрительные – *Лиса-ласковые слова; Лиса Патрикеевна; Лиса Сахарные Уста* (так ее называет автор-сказитель).

Русский народ, наблюдая за повадками этого животного, положительно оценивал ум и смекалку *Лисы*.

Амбивалентная оценка образа *Медведя* обусловлена тем, что *Медведь* относится к числу мифологических образов, он являлся тотемным зверем многих восточных славян, занимающихся охотными промыслами [Захарченко, Красных, Гудкова 2004].

«Медведь считался защитником от всякого зла и покровителем плодородия – именно с весенним пробуждением медведя древние славяне связывали наступление весны.

Многие крестьяне хранили в домах медвежью лапу как талисман-оберег, который должен был защищать своего владельца от болезней, колдовства и всевозможных бед. Славяне полагали, что медведь наделен большой мудростью, почти всеведением: именем зверя клялись, а нарушивший клятву охотник был обречен на гибель в лесу.

Постепенно значимость охоты для жизни наших предков отходила на «второй план, вытеснение родовых охотничье-промысловых культов аграрными приводит к антропоморфизации и усложнению образа медведя. Архетипический образ медведя, анализируемый по материалам русских сказок, предстает несколько противоречивым, поскольку в нем переплетены отголоски бывшего могущества, величия и силы с сатирическим подходом к персонажу сказок о животных. Он становится более похожим на человека, чем на божественного предка» [Кокшарова, 2011, с. 18].

О неоднозначной оценке образа *Медведя* в русских сказках свидетельствуют различные его наименования от иронического *Топтыгин*, *Косолапый* и фамильярного *Мишка* до уважительного *Медведь-батюшка*, *Михайло Потапыч*, *Михайло Иваныч*.

Не случайно он единственный из всех животных персонажей в русских сказках носит полное человеческое имя *Михайло Потапыч*, *Михайло Иваныч*.

К числу основных языковых средств, формирующих культурно значимый ассоциативный фон животных персонажей в сказках, относятся оценочная лексика (*хитрая лиса*, *лисичка умная*, *оборотливая*, *шустрая*, *глупый волк*, *заяц пуглив*, *боязлив*, *волк-дурень*), оценочный характер наименований персонажей (*Косолапый*, *Топтыгин*, *Косой*, *Михайло Потапыч*), использование суффиксов субъективной оценки (*Лисичка-сестричка*, *кумушка*, *куманек*, *Волчище*, *Петя-Петушок*, *Зайчик-побегайчик*).

Большую часть сказок о животных занимают диалоги. Герои русской народной сказки о животных активно общаются друг с другом. Взаимодействуя между собой, они добиваются поставленной цели посредством коммуникативных стратегий и тактик, которые способны грамотно применять и активно использовать. В подавляющем большинстве герои сказок о животных занимаются тем, что обманывают друг друга [Мариничева, 2011].

Наиболее востребованной речевой стратегией в коммуникативном поведении сказочных животных персонажей является стратегия манипулятивного поведения. Манипуляция предполагает скрытое управление собеседником, управление против его воли.

Основной конфликт русских народных сказок о животных – это конфликт между сквозными персонажами *Лисой* и *Волком*. Этот конфликт, как показывает анализ языкового материала, имеет ярко выраженный манипулятивный характер. Он проявляется в речевом поведении данных персонажей русской сказки и находит свое конкретное воплощение в определенном наборе речевых тактик.

Лиса умелый манипулятор, она активно в своем речевом поведении использует различные манипулятивные тактики (**тактику лести, заискивания угрозы, принуждения, перехвата инициативы, тактику внушения, обмана, намеренной демонстрации собственной слабости**), тщательно обдумывает, планирует воздействие на собеседника с целью получения собственной выгоды и доводит это до автоматизма.

Тактика обмана в речевом поведении лисы часто осуществляется в комплексе с умелым сочетанием других манипулятивных тактик: **тактики перехвата инициативы, тактики внушения.**

Так, для достижения своих целей она умело использует **тактику лести, заискивания** перед партнером по коммуникации, воздействуя на его эмоциональное состояние с помощью комплимента, выбирая соответствующие формулы обращения к персонажам: *Волчок-голубок, Петя-Петушок, Петенька*, используя различные термины псевдородства: *кум, куманек (обращаясь к волку, медведю)*.

Не добившись желаемого результата, *Лиса* переходит к **тактике угрозы, принуждения**, используя такой арсенал языковых средств, как оскорбления, оценочную лексику, императивные глагольные формы, побудительные предложения: *Оставайтесь, дураки!; Что ты, дурак, косолапый Мишка, трогаешь меня?; «Теперь я задам тебе жару! (лиса, обращаясь к петуху) Ты у меня за все ответишь! Помнишь, блудник и пакостник про свои худые дела!*

Речевое поведение *Волка* не отличается разнообразием используемых тактик манипулятивного воздействия на собеседника.

В речевом поведении данного сказочного персонажа наиболее востребованными являются **тактика угрозы, принуждения и обмана.**

В своей речи *Волк* продуктивно использует глаголы в форме будущего времени со значением угрозы, глаголы повелительного наклонения: *«Хорошо же, – думает, – уж я тебе отплачу, кумушка!»; «Да я и тебя разорву, и твоих поросят за один раз проглочу»; «Дознался волк, что у старика много*

скотины; пошёл просить себе. Пришёл и говорит: – Отдавай старуху!»
(Волк)

В ходе направленного ассоциативного эксперимента было установлено: ассоциативный фон зоонимов, транслируемый русскими сказками, представлен в языковом сознании современных носителей языка, считывается без особых затруднений.

В ответах респондентов ядерными оказались реакции, указывающие на такие характерные признаки *Лисы*, как хитрая; *Волка* – злой, жестокий, голодный, глупый; *Медведя* – косолапый, неуклюжий, сильный; *Зайца* – трусливый, слабый.

